

УДК: 323.15(571.6)

ДИАСПОРЫ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА РОССИИ*

Леонид Евгеньевич КОЗЛОВ,

кандидат политических наук, Институт международных отношений и социальных технологий ВГУЭС, г. Владивосток.
E-mail: leonidkozlov@yahoo.com

В статье рассматриваются способы политического участия дальневосточных диаспор, воздействие на них других субъектов региональных политических процессов, распределение сил между диаспорами и пределы влияния в регионах Дальневосточного федерального округа. Статья базируется на материалах контент-анализа газет Приморского края, ивент-анализа политических процессов регионов Дальнего Востока, экспертных интервью. Основное внимание уделяется сообществам корейцев, армян, азербайджанцев, татар, евреев, украинцев, народов Северного Кавказа и Средней Азии.

Ключевые слова: диаспора, политический процесс, Дальний Восток, межэтнические отношения, миграция.

Diasporas in the regional political processes of the Russian Far East

L. E. Kozlov, Candidate of Political Sciences, Institute of International Relations and Social Technologies of Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok.

Ways of political participation of diasporas, influence on the diasporas of other actors of regional political processes, correlation of forces among diasporas and limits of their political influence in Russia's Far East regions are considered. The article is based on the expert interviews and content-analysis of newspapers of Primorye Territory. The basic attention is paid to communities of Koreans, Armenians, Azerbaijani, Tatars, Jews, Ukrainians, nations of Northern Caucasus and Central Asia.

Key words: diaspora, political process, Far East, interethnic relations, migration.

Участие диаспор в региональных политических процессах современной России остаётся малоизученным и рассматривается, как правило, в социологическом или культурологическом аспектах. В то же время общественное сознание, включая высшие эшелоны власти, подвержено стереотипам о китайской оккупации, кавказской мафии, исламском терроризме и т.п. Российский обыватель уверен в том, что диаспоры

---

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ «Иммигранты и этнические диаспоры в региональных политических процессах РФ: сравнительный анализ Юга, Урала и Дальнего Востока» № 07-03-00105а.

могут решить в свою пользу любой вопрос, подкупая чиновников или внедряясь на государственную службу.

В статье анализируются способы политического участия диаспор, воздействие на них других субъектов, распределение сил между диаспорами и пределы их влияния в регионах Дальневосточного федерального округа (ДФО). Эмпирической основой статьи стали проведённые осенью 2008 г. в Приморском крае 11 экспертных интервью [1]. В дополнение к этому привлекались материалы контент-анализа газет «Владивосток» и «Золотой Рог», а также некоторые источники из других дальневосточных регионов. Термин «диаспора» используется в значении, предложенном Ж. Тощенко: это устойчивая совокупность людей единого этнического происхождения, живущая за пределами своей исторической родины и имеющая социальные институты для развития и функционирования данной совокупности [2, с. 37].

Среди институтов политического участия диаспор в российских регионах первостепенное значение имеют иностранные консульства, которые формально не предполагают вмешательства в местные политические процессы. Но при возникновении острых ситуаций с гражданами страны, представляемой консулом, к их решению подключается весь дипломатический аппарат. Если федеральные власти России не ставят целью нагнетание международной напряжённости, они удерживают местных политиков от действий, направленных против данной диаспоры. Крупные этнические сообщества, консулы которых на Дальнем Востоке отсутствуют, проявляют заинтересованность в том, чтобы такие институты появились. Для выходцев из национальных субъектов Российской Федерации аналогом консульской протекции является создание представительства в регионе постоянного проживания. Например, председатель Совета по делам национальностей при администрации г. Находки Кайтмаз Аварский имел статус представителя Республики Дагестан в Приморье, а депутат городской Думы Владивостока Нурмет Алиев был его первым заместителем.

Из действующих на Дальнем Востоке консулов в работе со своими соотечественниками выделяется генеральное консульство Республики Корея во Владивостоке с канцелярией в Южно-Сахалинске. Линия южнокорейского правительства на поддержку диаспоры преследует определённые экономические и политические цели, проводится последовательно, акцентированно, имеет хорошую финансовую базу. К несомненной активизации украинских общественных организаций ДФО привело создание консульства Украины во Владивостоке. Консулы КНР в Хабаровске и Владивостоке до последнего времени дистанцировались от китайских землячеств, чтобы избежать подозрений в подготовке «китайской экспансии», но в последнее время изменили тактику. В 2009 г. средства массовой информации Приморья распространили сюжет о сборе китайскими бизнесменами средств на лечение российской девушки-инвалида в китайском санатории. Руководитель отделения консульства КНР во Владивостоке был представлен при этом в качестве организатора акции

[4, 17 сент.]. Позитивное освещение в местной прессе получило празднование диаспорой 60-летнего юбилея КНР.

В дальневосточных органах регионального и муниципального уровней сегодня работают лица с самыми разными этническими корнями. При этом заметно, что высших постов в системе исполнительной власти (губернаторы, вице-губернаторы, мэры, директора департаментов) добивались выходцы из тех диаспор, которые были русифицированы в советское время (украинская, еврейская, татарская и т.п.)*. Армяне, корейцы, чеченцы в единичных случаях добивались высоких политических постов, но только в законодательных органах. Для азербайджанцев и узбеков единственным инструментом повышения политического веса до последнего времени оставалась служба в правоохранительной системе и органах исполнительной власти. Китайцев, остающихся на постоянное жительство в России, немного, а получающих российское гражданство — единицы, поэтому их перспективы политического участия весьма туманны (равно как и таджиков).

Достигая высокого положения, неславянские политики предпочитают не акцентировать свои этнические корни и не демонстрировать видимых связей с диаспорой. Несмотря на это, факт наличия представителя диаспоры в региональном законодательном органе имеет большое значение для её авторитета, даже если она далека от сплочённости. По данной причине азербайджанская диаспора Приморья, чьё политическое влияние не соответствует её экономическому потенциалу, рассматривает вопрос о парламентарном представительстве [5].

Наибольшим опытом работы в законодательной системе обладает корейская диаспора. Три её представителя избирались в Сахалинскую областную Думу, один (впервые в 2008 г.) — в Законодательное собрание Приморского края (ЗСПК), а корейский уроженец Сахалина Юрий Тен вплоть до своей кончины был депутатом Государственной Думы РФ от Иркутской области. В районах своего компактного проживания корейцы нередко являются депутатами муниципальных собраний. Валентин Пак, председатель Ассоциации корейских организаций Приморья, избирался депутатом Думы Надеждинского района.

Занятие постов на муниципальном уровне помогает диаспорам решать некоторые вопросы с меньшим сопротивлением бюрократических структур. Например, татары Приморского края проводят сабантуй в с. Вольно-Надеждинском, поскольку в прежние времена заместителем главы Надеждинского района работал инициатор создания первой татарской организации края Жавдат Гизатулин. Благодаря этому первый сабантуй было проще всего организовать в районном центре, а впоследствии эта традиция закрепилась. Благодаря стечению обстоятельств татарские общины Дальнего Востока использовали специфический способ участия в региональной политике. Назначение полномочным представителем президента России в ДФО Камиля Исхакова, бывшего мэра Каза-

* Мэр Магадана Владимир Печеный, вице-губернатор Еврейской АО Валерий Гуревич, губернатор Сахалинской области Игорь Фархутдинов и др.

ни, побудило местных политиков предполагать, что хорошие отношения с татарскими общественниками улучшат их отношения с полпредом. Так, в 2006 г. глава администрации Владивостока Владимир Николаев, выходец из криминальной среды, без всяких указаний сверху выделил общественной организации «Туган Ил» помещение из городских фондов [6]. Сам Исхаков старался не афишировать свои этнические корни и позиционировал себя сугубо как представитель центральной власти, но стереотипы в свой адрес преодолеть не мог.

Ещё один способ политического участия, который показывает сплочённость диаспоры, — это национально-культурные организации (НКО). Причины их политической активизации в начале XXI в. подробно изложены в статье В.И. Дятлова [7, с. 95—137]. Прежде всего НКО остаётся единственным юридически оформленным институтом, который этническая община может создать самостоятельно. Возглавляя НКО, представители диаспор повышают свой статус в социально-политической системе региона и вступают в прямое взаимодействие с представителями государственной власти.

Часть НКО Дальнего Востока создана усилиями интеллигентов-общественников и не претендует на что-либо иное, кроме удовлетворения интереса к своим историческим корням (это характерно для польских, литовских, немецких, белорусских организаций). Но и диаспоры, обладающие устойчивостью и сплочённостью, стремятся к созданию и своевременной регистрации НКО. По частоте и масштабам культурных мероприятий, а также по количеству зарегистрированных организаций лидируют корейцы и украинцы. Вопреки распространённым стереотипам о массовой иммиграции из КНР китайские организации на Дальнем Востоке не зарегистрированы; крайне медленно проходят формальную институционализацию общины узбеков, таджиков и киргизов.

Широкие политические возможности национально-культурной организации демонстрирует Всероссийский азербайджанский конгресс (ВАК), в некоторых аспектах выступающий аналогом консульской системы Азербайджана, правительство которого старается выстроить из него управляемую иерархическую структуру, в совокупности имеющую гораздо больший потенциал, чем разрозненные общественники. Структура ВАК учитывает федеративное деление России. Дальневосточное окружное отделение располагается в г. Хабаровске, а представители городов Хабаровска, Владивостока, Магадана и Камчатки входят в центральный совет ВАК. Азербайджанский консул в Санкт-Петербурге Гудси Османов, в 2008 г. посетивший Дальний Восток, держит работу азиатских отделений в поле своего внимания [8]. Создание подобных структур было бы невозможно без совпадения интересов правительства исторической родины и лидеров диаспор, но эти интересы иногда лежат в разных плоскостях. Поэтому в Приморье функционирует общественная организация «Достлуг», занимающаяся вопросами местного значения; её предшественником была организация «Азербайджан».

Определённую роль в политическом участии диаспор играют религиозные институты. Мусульманские общины привлекают к себе повышенное

внимание региональных властей, традиционно относящихся к исламу с подозрением. Несмотря на обвинения в адрес Исакова в искусственной исламизации региона, на Дальнем Востоке до последнего времени мечети были открыты лишь в Якутске, Находке и Хабаровске. Почти в каждом региональном центре ДФО действуют еврейская община и синагога, пользующиеся поддержкой международных еврейских фондов и Государства Израиль (впрочем, сегодня малоактивной), а также общероссийских объединений: Федерации еврейских общин России и Конгресса еврейских религиозных общин России. Правда, это не является признаком или следствием того, что региональные общины представляют собой ячейки монолитной транснациональной системы. Как и ВАК не имеющие глобальных амбиций местные еврейские организации ищут точки соприкосновения интересов с внешними акторами.

Католические и лютеранские общины Дальнего Востока, основу которых в давние времена составляли поляки и немцы, сегодня, скорее, служат инструментом межкультурной коммуникации, чем восстановления диаспор. В то же время ряд протестантских течений в Приморском крае и на Сахалине находится под сильным влиянием Южной Кореи. В 90-е гг. южнокорейские миссионеры апеллировали к национальным чувствам потенциальных прихожан — российских корейцев. Протестанты открывали курсы корейского языка, организовывали поездки в Республику Корея, поставляли оттуда благотворительную помощь [9, с. 34]. О буддистских традициях Кореи сегодня помнит только старшее поколение сахалинских корейцев. Когда в 2006 г. консульство Республики Корея организовало поездку буддийских монахов на Сахалин для проведения традиционных церемоний, молодёжь на встречах с монахами практически отсутствовала.

Важнейшим центром объединения армянской диаспоры Приморья стала григорианская церковь Владивостока «Сурб Геворг». В середине 1990-х гг. восстановление церкви, закрытой в советский период, сталкивалось с трудностями. Но организованность и высокие социальные позиции армянской общины в конечном итоге сыграли свою роль. В настоящее время церковь полностью восстановлена, богослужения в ней осуществляются приехавшим из Армении священником. При церкви основан духовно-просветительский центр, где дети изучают основы армянского языка и культуры [10].

Российскими государственными институтами, в сферу внимания которых попадают региональные диаспоры, как правило, являются администрации субъектов Федерации, а также территориальные управления Федеральной миграционной службы, Министерства внутренних дел, Федеральной службы безопасности. Интерес региональных администраций к жизни диаспор определяется дефицитом рабочих рук и проявлениями межнациональной розни. Факты социальной дестабилизации, вроде забастовок мигрантов, на Дальнем Востоке встречаются редко (имелись прецеденты в Благовещенске).

Привлечение рабочей силы диаспоры обычно осуществляют своими силами. Например, в Приморье организовать миграционный поток тад-

жиков пытается Зокиржон Мусоев, руководитель НКО «Дружба народов Средней Азии». Функции региональных и муниципальных чиновников ограничиваются исполнением формальных действий. Ввиду отсутствия центров адаптации, аналогичных центру в Свердловской области, и селекции мигрантов сохраняется спонтанность трудовой иммиграции на территорию ДФО. Попытка правительства РФ привлечь на Дальний Восток соотечественников из стран СНГ посредством федеральной программы завершилась провалом, при этом власти не обращались к диаспорам за помощью.

Успешнее региональные администрации осуществляют профилактику межнациональной розни. Во-первых, в этом деле накоплен опыт с советских времён; во-вторых, Дальний Восток изначально был населён мигрантами разных национальностей, так что придание себе исключительности на основе постоянного проживания здесь не развито. Хотя на Дальнем Востоке случаются нападения на китайцев и северных корейцев, в том числе со смертельным исходом, публичные акции националистов собирают мало участников. Самый массовый «Русский марш» во Владивостоке в 2007 г. насчитывал порядка 250 человек [11]. Некоторую проблему для региональных властей представляет также экспорт диаспорами конфликтов со своей исторической родины, прежде всего армян и азербайджанцев. Основными методами повышения толерантности традиционно являются фестивали, выставки и другие мероприятия, где диаспоры демонстрируют свои культурные особенности.

В региональных администрациях ДФО обычно работают структурные подразделения, которые ведут мониторинг межэтнических отношений, занимаются профилактикой этнических конфликтов. В Приморье указанные вопросы много лет курировал заместитель директора департамента социального развития и СМИ А.В. Смирнов, озвучивая позицию администрации края по национальным вопросам в прессе и представляя краевую администрацию на культурных мероприятиях диаспор. Администрация Приморья, конечно, не может гарантировать необходимое ей воздействие на диаспоры, потому что состоят эти сообщества из нескольких тысяч или десятков тысяч человек. Но ей удалось определить круг персон, которые могут донести до соплеменников позицию властей или озвучить актуальные для диаспоры проблемы [12]. Обычно они проживают на территории края в течение нескольких десятилетий или являются его уроженцами.

Консультативные органы по национальным и религиозным вопросам собираются при большинстве администраций регионов и крупных городов ДФО. Прямая эффективность таких институтов, как Ассамблея народов Приморья, невысока, поскольку они не обладают правом политического решения, но площадка для диалога, позволяющая властям и диаспорам знать друг друга в лицо, существует. Действуют такие общественные советы и при территориальных управлениях ФМС и МВД, но их работоспособность в решающей степени зависит от взгляда главы управления на необходимость контактировать с обществом [13].

Федеральные власти взаимодействуют с региональными диаспорами преимущественно через Министерство внутренних дел РФ, что априори

переводит этнические сообщества в разряд подозрительных объектов. МВД и ФСБ занимаются в рамках своей специализации задержанием нелегальных мигрантов и пресечением незаконной трудовой деятельности, паспортно-визовыми вопросами, причём организованная преступность на этнической основе уже редко фигурирует в их сообщениях. В 2008 г. УВД Приморского края на пресс-конференции, посвящённой юбилею уголовного розыска, ещё раз озвучило многолетнее наблюдение: китайцы чаще других иностранных граждан совершают правонарушения, однако (за редким исключением) они не носят тяжкого характера. В то же время граждане СНГ совершают весь спектр тяжких и особо тяжких преступлений [14]. Оформление иностранных рабочих через ФМС остаётся усложнённой процедурой, стимулирующей работодателя к их теневой занятости, хотя происходят подвижки в предоставлении уроженцам стран СНГ российского гражданства.

Жизнь диаспор в дальневосточных средствах массовой информации освещается нечасто, главным образом при появлении сенсационных фактов. Контент-анализ 356 номеров газеты «Владивосток» и 187 номеров газеты «Золотой Рог» за 2007—2008 гг. показал, что основная часть статей о мигрантах и диаспорах распределяется достаточно равномерно между такими темами, как государственное регулирование миграции, происшествия и криминал, культура и толерантность. Сложно утверждать, что местная журналистика культивирует негативные отношения в диаспорах, но отдельные эксцессы в их взаимоотношениях происходят (например, все упоминания азербайджанской общины в рассмотренных газетах пришлись на два убийства предпринимателей и т.н. «дело Гамидова»^{*}). Федеральные и региональные органы власти в последние годы препятствуют тому, чтобы журналисты указывали этничность преступников, если происходят особо резонансные происшествия. В 2009 г. во Владивостоке специальные службы взяли штурмом квартиру, где находились лица, подозреваемые в бандитизме. Кадры этой операции обошли все российские телеканалы, но о том, что преступная группа состояла из ингушей, впоследствии можно было узнать только в сети Интернет [15].

Среди публикаций, затрагивавших те или иные аспекты политического процесса, абсолютное большинство (75) оказалось посвящено китайской диаспоре, что совершенно не отражает её политического влияния. Исследователи склонны полагать, что китайская община на Дальнем Востоке России не сложилась в полноценную диаспору [16]. Внимание, адресуемое дальневосточным обществом китайской общине, скорее всего, является результатом рефлексии собственных проблем, т.е. представление о сотнях тысяч китайцев, прибывающих в Россию на постоянное местожительство, порождается негативной демографией местного общества. Зато второе место корейцев (33 публикации) корреспондирует с активностью их общественных организаций и деловых кругов. Политичес-

^{*} Водитель, который в 2007 г., находясь в автомобильной пробке во Владивостоке, смертельно ранил из травматического пистолета нанесшего ему оскорбление пассажира другой машины.

ки окрашенные материалы о других этнических группах публиковались гораздо реже (азербайджанцы — 12 раз, узбеки и таджики — 12, украинцы — 8, татары — 4, армяне — 4, прочие — в единичных случаях).

Дальневосточные отделения парламентских партий пока не воспринимают диаспоры в качестве объекта своей работы. Исключение составляют предвыборные периоды, когда региональные и муниципальные власти, обычно состоящие в партии «Единая Россия», обращаются за поддержкой к самым крупным диаспорам. Примером такой поддержки стал концерт, организованный азербайджанцами Владивостока в поддержку выборов президента Медведева. Напротив, диаспоры, представители которых достигли успехов в бизнесе, видят в партиях (в первую очередь, в «Единой России») трамплин для перемещения на более высокий социальный уровень.

Представленный материал позволяет сделать следующие выводы. Перспективы развития диаспоры Дальнего Востока видят в рамках действующей системы и для повышения своего социального статуса выполняют местные политические алгоритмы. Они имеют в распоряжении несколько инструментов политического участия, но используют их преимущественно для преодоления своего неравноправного положения. Дальневосточные диаспоры переживают внутренние разногласия, редко располагают «мозговыми центрами» и с трудом организуются во имя общей цели. Политическое участие этнических сообществ пока столь же ситуативно, как и политика властей в их отношении.

На Дальнем Востоке нет непреодолимых барьеров для административной карьеры человека неславянского происхождения, однако заметно, что некоторые крупные и экономически активные диаспоры не имеют соответствующего политического веса. Затрудняет вхождение в публичную политику принадлежность к народу, исторически исповедующему ислам. Присутствие выходцев из среднеазиатских, восточноазиатских или кавказских общин в высшем эшелоне региональной политики остаётся редкостью, но можно прогнозировать постепенное повышение влияния азербайджанцев и узбеков, учитывая их численность и экономический потенциал. Не подтверждаются предположения о воздействии китайской иммиграции на политические процессы Дальнего Востока, кроме вызываемой ею общественной паники. Корейская диаспора ввиду внутренней разобщённости сама не пользуется имеющимися возможностями и едва ли станет «пятой колонной» Южной Кореи.

Пределы политического влияния диаспор весьма ограничены. В большинстве случаев они добиваются соблюдения в отношении себя законов (или равного с местным населением потворства в нарушении закона), свободного выражения национально-культурных потребностей. По нашей оценке, из общественных организаций первоочередного внимания политологов заслуживают объединения корейцев, азербайджанцев, армян, евреев, татар, украинцев, уроженцев Северного Кавказа, которые сравнительно регулярно проводят публичные мероприятия, частично имеют внешнюю поддержку, периодически создают проблемы для местных властей, а также вызывают наибольший общественный резонанс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. С.Г. Пушкарёв, председатель общественно-консультативного совета при УФМС по Приморскому краю; А.В. Смирнов, зам. Директора Департамента социального развития и СМИ Администрации Приморского края; Р.С. Харисов, председатель Приморской татаро-башкирской общественной организации «Туган ил»; А.П. Данильченко, генеральный консул Украины во Владивостоке; В.В. Ли, председатель совета Национальнокультурной автономии корейцев Владивостока, директор Фонда содействия развитию культуры корейцев Приморья; Сюэ Хуэйлинь, генеральный директор ООО «Востокстройтехника» (китайская община); Х.Р. Эпендиев, руководитель Казыятского управления мусульман Приморского края (чеченская община); Г.Г. Бабакехян, председатель Приморской национально-культурной организации «Армения»; Г.В. Клебанов, председатель Еврейского религиозно-культурного общинного центра г. Владивостока; Ф.О. Юсупов, председатель Приморской региональной общественной организации узбеков «ТУРАН» (организация не прошла перерегистрацию); Р.М. Казымов, член правления Приморского отделения Всероссийского азербайджанского конгресса и правления общественной организации Приморская азербайджанская диаспора «Достлуг».
2. Тощенко Ж., Чаптыкова Т. Диаспора как объект социологического исследования // Социологические исследования. М., 1996. № 12. С. 37.
3. Викторов А. Нурмет Алиев: «Мы ещё никому не отказали в помощи...» // Конкурент. Владивосток, 2003. 12 авг.
4. Григорьева Т. Помощь без границ // Владивосток. Владивосток, 2009. 17 сент.
5. Интервью с Р.М. Казымовым, 25.11.2008.
6. Интервью с Р.С. Харисовым, 24.10.2008.
7. Дятлов В. Миграции, мигранты, «новые диаспоры»: фактор стабильности и конфликта в регионе // Байкальская Сибирь: из чего складывается стабильность. М.; Иркутск: Наталис, 2005. С. 95—137.
8. Волкова Т. Встречи в Приморье // Азербайджанский конгресс [Электронный ресурс]. М., 2008. 16 марта. Загл. с экрана. Режим доступа: <http://www.azcongress.ru/article.php?1237>
9. Волкова Т.В. Российские корейцы: к вопросу о самоидентификации // Этнографическое обозрение. М., 2004. № 8. С. 34.
10. Церковь «Сурб Геворг» [Электронный ресурс]. Владивосток, 2009. Загл. с экрана. Режим доступа: <http://www.armeniachurch.ru>
11. Акулова О. Праздник разделили. Едины в одном стремлении — к России державной // Золотой Рог. Владивосток, 2007. № 87.
12. Интервью А.В. Смирнова, 25.10.2008.
13. Интервью С.Г. Пушкарёва, 3.11.2008.
14. Приморские милиционеры рассказали о самых громких преступлениях за последние 5 лет // Приморское телевидение и радио [Электронный ресурс]. Владивосток, 2008. 3 окт. Загл. с экрана. Режим доступа: <http://www.ptr-vlad.ru/news/ptrnews/7436-vladivostokskie-milicionery-rasskazali-o-samykh.html>
15. Во Владивостоке продолжается силовой беспредел в отношении мусульман // Islam.Ru [Электронный ресурс]. М., 2009. 8 апр. Загл. с экрана. Режим доступа: <http://www.islam.ru/rus/2009-04-8/?single=26077>
16. Загребнов Е. Экономическая организация китайской миграции на российский Дальний Восток после распада СССР // Демоскоп Weekly [Электронный ресурс]. М., 2008. № 315—316. Загл. с экрана. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0315/analit05.php>